

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ**

ВЫПУСКЪ 37

ВАЛЕРИЙ С. ВИЛИНСКІЙ.

**КОРНИ ЕДИНСТВА
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЬ».

1 9 2 8.

ВАЛЕРИЙ С. ВИЛИНСКИЙ.

Корни единства русской культуры*).

I.

Съ начала второй половины прошлого столѣтія во многихъ областяхъ и отрасляхъ науки значительную роль стало играть такъ называемое материалистическое міровоззрѣніе. Первоначально оно укрѣпилось въ естествознаніи, а уже отсюда скоро проникло и въ философію исторіи, гдѣ и должны среди ученыхъ насчитывать немало приверженцевъ и защитниковъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ вліянія материализма было то, что въ исторической наукѣ очень скоро опредѣлился переломъ въ сторону признанія исключительной важности за факторами экономического характера. Исходнымъ пунктомъ для новыхъ теорій послужило уподобленіе сложныхъ явлений общественной жизни простѣйшимъ биологическимъ процессамъ. Въ экономикѣ пытались видѣть нѣчто исчерпывающее и всеобъясняющее; ею хотѣли освѣтить прошлое, на основаніи ея казалось возможнымъ почти безошибочно предугадывать пути будущаго развитія общественной жизни.

Сводя все множество соціальныхъ факторовъ къ узко очерченному кругу экономическихъ явлений, сторонники такъ называемаго исторического материализма неминуемо должны были впасть въ предвзятую доктринальность и превратить свободную науку въ какую-то новую схоластику. Такъ и случилось: у послѣдовательныхъ соціологовъ и политico-экономовъ маркситской школы односторонняя прямолинейность взглядовъ доведена до такой крайности, что, ничуть не преувеличивая, можно говорить объ общемъ, принципіальномъ сходствѣ ихъ мышленія съ мышленіемъ средневѣковыхъ богослововъ-схоластовъ, — та же односторонность, та же исключительная убѣжденность въ безошибочной своей теоріи, тотъ же фанатизмъ.

Совершенно естественно, что подобная односторонность очень скоро вызвала реакцію противъ себя. Почти одновременно въ разныхъ концахъ Европы началось отрицательное отношеніе къ упрощенному материализму; съ острой

*) Работа получила 1-ю премію на конкурсѣ О-ва изъ фонда д-ра Симеона Сабова.

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
критикой его выступили французские нео-католические мыслители, въ Германіи съ нимъ боролись ново-кантіанцы и философы школы Брентано ; въ общемъ движеніи немалую роль сыграла и русская научная мысль¹⁾.

Для научной борьбы съ материализмомъ не понадобилось открывать особенно много нового. Внимательный анализъ показалъ, что фундаментъ его не слишкомъ то проченьи, что многія изъ его утвержденій являются плодомъ скоропѣлыхъ и подчасъ рискованныхъ обобщеній.

Зато не легко было установить иныя, болѣе научные точки зрењія. Заново пришлось переоцѣнить роль и значеніе многихъ историческихъ моментовъ. Только послѣ долгой работы создался правильный взглядъ на особую важность вѣками сложившагося комплекса религіозно-нравственныхъ понятій, роль традиціональности, исконныхъ навыковъ и культурно - этическихъ принциповъ народной психики²⁾). Укрѣпилось сознаніе, что общій нравственный обликъ современной культуры является главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ, какъ направленіе дѣятельности отдельныхъ личностей, такъ и пути жизни народовъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи выяснилось, что не только въ древности, но и на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ нашей эры одной непрерывной линіей проходитъ рядъ идеалистическихъ моментовъ. Первые девять вѣковъ протекаютъ подъ знакомъ церковности; временами философская мысль преисполнена эсхатологическихъ чаяній³⁾), практические и экономические интересы почти забываются⁴⁾), а духовная жизнь достигаетъ максимального расцвѣта въ необычайномъ по своей высотѣ мистицизмѣ. Нѣсколько позже

¹⁾ Особенno въ лицѣ проф. Лосского, проф. Новгородцева, П. Б. Струве, Бердяева и многихъ другихъ. Подробно объ этомъ смотри въ сборникѣ «Вѣхи» и въ книгѣ Новгородцева: «Исканія общественного идеала».

²⁾ Все сдерживающее значеніе религіозно-нравственныхъ понятій выяснилось въ полной мѣрѣ лишь послѣ окончанія великой войны, когда этические принципы народовъ Европы восторжествовали надъ стихійно разгоравшейся было міровой революціей.

³⁾ Наиболѣе сильныя вспышки эсхатологическихъ чаяній были около 1000-го и 1492-го г., вообще же напряженное ожиданіе конца міра, періодически усиливавшееся, а потомъ спадавшее, характерно для всей эпохи западнаго и русского средневѣковья.

⁴⁾ Церковь осуждала усиленную экономическую дѣятельность, считая, что для спасенія души болѣе удобна бѣдность нежели богатство. Римъ запрещалъ брать проценты, и только съ XI—XII вѣковъ начинается интенсивное накопленіе богатствъ. Въ концѣ концовъ, къ началу эпохи Возрожденія практически восторжествовало не мистическое начало, представляемое Бернардомъ Клервосскимъ, а рационалистическое теченіе, возглавляемое монахомъ Абеляромъ.

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
Этотъ мистицизмъ выливается въ дѣйственныя формы подъ вліяніемъ общаго религіозно-мистического воодушевленія, проявившагося, напр., особенно ярко въ проповѣди Бернарда Клервосскаго. Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ на Западѣ проходятъ крестовые походы. Въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ на Востокѣ безраздѣльно властвуетъ церковно-политическая идея «Москва — третій Римъ», надолго опредѣлившая собой дальнѣйшій ходъ исторіи.

Изученіе исторіи священної римской Имперіи съ точки зрењня исторического материализма неминуемо должно привести насъ къ безысходному пункту. Получилась непонятная и глубоко противорѣчивая всей теоріи и догмѣ историческаго материализма картина того, какъ на протяженіи всего средневѣковья предпринимался рядъ тяжелыхъ послодогъ въ Италію для того только, чтобы изъ рукъ папы получить лишенную и тѣни реального значенія императорскую корону. Но стоитъ лишь сообщить этимъ разрозненнымъ историческимъ фактамъ объединяющій ихъ морально-мистической мотивъ: живое ощущеніе преемственности высшей власти, Божественнаго установленія, идущаго со временъ античнаго міра, — какъ сразу все представленіе наше о среднихъ вѣкахъ менѣется, становится понятнымъ, живымъ и ральнымъ. Преданія прошлаго были тѣмъ цементомъ, который соединилъ воедино раздробленныя человѣческія личности; такъ духовная культура, созданная руками предковъ, сыграла для потомковъ роль движущаго элемента ихъ исторической жизни.

Если умоналоженіе и отдѣльного человѣка и цѣлаго народа въ равной мѣрѣ опредѣляется кругомъ идей, завѣщанныхъ намъ предками, то все развитіе культуры должно идти медленно, нормально и постепенно. Какъ характерно, что именно блестящій скептикъ и материалистъ Анатоль Франсъ въ своей «Исторіи Жанны Д'Аркъ» долженъ былъ прійти къ выводамъ, что только вѣковое традиціонное обаяніе королевской власти въ глазахъ народа, спасло Францію отъ несчастій и ужасовъ столѣтней войны¹). Совершенно аналогичные мысли высказываетъ проф. С. А. Франкъ въ своей статьѣ: «Изъ размышеній о русской революціи». Онъ говоритъ: «... замѣчательной, въ сущности общеизвѣстной, но во всемъ своемъ значеніи недооцѣненной особенностью русскаго общественнаго и соціального строя было то, что въ народномъ сознаніи и народной вѣрѣ была непосредственно укрѣплена только сама верховная власть Царя, все-

¹⁾ Смотри Anatole France: „Jeanne d' Arc“ и записки его секретаря Луи Бриссона; „Anatol France en pantoffles“: есть они и въ русскомъ переводе.

же остальное — сословные отношения, местное самоуправление, судь, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованныхъ классовъ, литература и искусство, университеты, консерваторіи, академіи, — все это держалось лишь косвенно... и не имѣло непосредственныхъ корней въ народномъ сознаніи».

Полностью это же утверждение можетъ быть примѣнено и ко временамъ первого русского лихолѣття: краткій успѣхъ самозванщины объясняется обаяньемъ привычныхъ именъ и названий, а развѣ самое избавленіе отъ смуты въ XVII вѣкѣ не было результатомъ торжества традицій, проявленіемъ консервативности русского народа?

Смысль исторического процесса полностью выявляется намъ лишь въ медленномъ и непрерывномъ развитіи, въ какомъ то постоянномъ наростаніи духовныхъ силъ и возможностей, при наблюденіи которыхъ невольно приходитъ мысль, что, быть можетъ, этотъ ростъ и развитіе имѣютъ свои строго опредѣленные законы или хотя бы тенденціи и признаки разумной цѣлесообразности.

Со времени Гегеля принято считать, что основной моментъ исторического развитія — это собирающее или синтетическое начало, проходящее въ своемъ пути черезъ стадію множественности, распада, дифференціаціи, для того, чтобы вновь соединиться во все большіе и большие родственные по духу соціальные организмы, развиваться и рости до тѣхъ поръ, пока не будуть достигнуты какіе то намъ неизвѣстные и неоткрытые предѣлы. Меньшее вливается въ большее, но это не означаетъ полнаго поглощенія части цѣлыхъ, наоборотъ: въ органическомъ единствѣ этого цѣлаго каждая изъ составныхъ частей полностью охраняетъ свой единственный, неповторимый культурный ликъ. Смысль римской исторіи заключается не въ насильственномъ покореніи всѣхъ соседнихъ племенъ и народовъ и въ пріобщеніи ихъ къ чуждой имъ латинской культурѣ, а въ совмѣстной выработкѣ единой общей культуры, въ общемъ процессѣ созиданія и творчества. Каждое изъ этихъ племенъ нечувствительно привнесло въ сокровищницу римской культуры что-то и свое цѣнное, и это цѣнное не уничтожалось и не пропадало безслѣдно, а накладывало свой отпечатокъ на характеръ общаго потока римской мысли¹).

¹⁾ Новѣйшая историческая наука только теперь, да и то еще не въ полной мѣрѣ выясняетъ истинное значеніе и роль самнитскихъ и этруссихъ элементовъ въ дѣлѣ созиданія римской культуры. Смотри обѣ этомъ подробно прекрасную статью проф. Растовцева о самнитахъ въ XXXI томѣ журнала «Современныя Записки». Роль местныхъ элементовъ для правотворчества римскихъ юристовъ — общеизвѣстна: въ правѣ перегриновъ (иностранцевъ) римскій преторъ черпалъ ма-

Основой и оправданiemъ соціально-политического бытія народовъ является сознаніе единства націи и единство это, разъ возникнувъ и будучи осознаннымъ, становится почти неискоренимымъ и неистребимымъ. Фактъ бытія націи самодовлїюцъ и самоцѣленъ, онъ носить абсолютный характеръ и мы не можемъ ничѣмъ инымъ, какъ наличиемъ внутреннихъ творческихъ силъ, объяснить это постоянное стремленіе народовъ къ выявлению и утвержденію своего національного и духовнаго «я». Очевидно, необходимо признать этотъ-то замедляющійся, то ускоряющійся процессъ становленія культуры какимъ-то органическимъ, первичнымъ закономъ бытія народовъ, закономъ обязательнымъ для каждого изъ нихъ, но дѣйствительно осуществляющимся лишь въ мѣру объема наличныхъ жизненныхъ возможностей и силъ даннаго народа.

Какъ было уже сказано, этотъ законъ абсолютенъ и подобенъ слѣпому инстинкту, поэтому-то онъ является началомъ и первопричиной, а не концомъ и слѣдствіемъ; имъ надо объяснять отдельныя события исторической жизни, а не въ этихъ частныхъ событияхъ пытаться найти объясненіе общаго всѣмъ временамъ и эпохамъ процесса самоутвержденія народовъ.

II.

Но что же это такое: народъ, національность, нація? Мы не имѣмъ до сихъ поръ полнаго, всесторонняго соціологического опредѣленія этого понятія. Врядъ-ли подобное исчерпывающее опредѣленіе и можетъ быть найдено когда-либо, ибо слишкомъ сложныя явленія общественной жизни, естественно, не могутъ быть заключены въ узкія рамки чисто формальныхъ словесныхъ опредѣленій. Уже съ древнихъ временъ мыслители склонялись къ аналогіямъ между народами и живыми организмами. Эта параллель очень заманчива и напрашивается сама собой, такъ какъ невольно бросается въ глаза основное сходство, заключающееся въ томъ, что отдельнымъ народамъ (соціологическимъ организмамъ), равно какъ и животнымъ организмамъ свойственны очень сходные процессы развитія, роста и конечнаго распада. Однако надо помнить, что на этой почвѣ нельзя строить слишкомъ скорыхъ обобщеній, какъ какъ, кроме основнаго сходства, есть и значительныя черты принципіального раз-

теріалъ для созиданія такъ называемаго преторскаго права (*jus honorarium*). Хорошо изложена исторія созиданія общенационального права въ книгѣ проф. Муромцева: «Гражданское право древняго Рима».

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородъ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
личія¹) Только что упомянутая такъ называемая «органическая теорія» имѣеть очень много недостатковъ, но все-же въ основаніи ея чувствуется какая-то внутренняя правда и, благодаря этому, онъ, лишь нѣсколько дополненная идеей общности и согласованія духовныхъ цѣнностей, способна и донынѣ играть значительную роль. И въ философіи и въ соціологіи «органическая теорія» до сихъ поръ съ большимъ успѣхомъ можетъ быть противопоставлена большинству нсвыхъ опредѣленій въ духѣ исторического материализма.

Для нась не представляется необходимымъ особенно подробно углубляться въ детали и тонкости спора. Вполнѣ достаточно ограничиться уясненіемъ себѣ лишь нѣкоторыхъ значеній словоупотребленія и объяснить тѣ оттѣнки смысла, которые въ наукѣ и обыденной рѣчи придаются термину «народъ», «нація». Наиболѣе существенный интересъ представлять три случая словоупотребленія: этнографическое, политическое и соціологическое, — послѣднее частично захватываетъ первые два, будучи значительно полнѣе и шире ихъ.

Чаще всего мы сталкиваемся со словомъ «народъ», какъ съ этнографическимъ терминомъ . Въ этомъ случаѣ подъ понятіемъ народа подразумѣвается нѣкое коллективное единство, обусловливаемое, съ одной стороны, рассовыми, антропологическими и языковыми признаками, а съ другой стороны, — общностью происхожденія, историческимъ прошлымъ и привычными совмѣстно выработанными условіями быта. Особенно важную роль играетъ языкъ: часто можно встрѣтить такія, напримѣръ, опредѣленія «Совокупность словъ находящихся въ пользованіи определенной человѣческой группы, называется языкомъ этой группы, а сама группа, которая выработала согласное наименование для однихъ и тѣхъ-же понятій, называется народомъ».

Приведенное опредѣленіе понятія «народъ» въ смыслѣ этнографического термина является наиболѣе точнымъ и, въ то же время, наиболѣе материальнымъ по своему существу; ему суждено играть роль первоначального научного опредѣленія, основанія и критерія правильности всякого иного словоупотребленія.

Совершенно иное значеніе принимаетъ это же слово въ качествѣ термина политическихъ наукъ. Здѣсь принимается во вниманіе главнымъ образомъ формально-юридическая стороны дѣла; поэтому терминъ «народъ» въ этомъ смыслѣ является только допустимымъ и при томъ очень условнымъ и относительнымъ. Этнографическая сторона въ

¹⁾ Черты различія и сходства между животнымъ организмомъ и соціальнымъ агрегатомъ лучше всего формулированы Гербертомъ Спенсеромъ «The social static». Кажется, есть и русскій переводъ подъ названіемъ «Соціальная Статика».

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
значительной своей степени при этомъ игнорируется, а если и выступаетъ, то не непосредственно, а лишь постольку, поскольку она выразилась въ римскомъ законодательствѣ, конституціяхъ или иныхъ публично-правовыхъ актахъ. Понятіе «народъ» юристы обыкновенно отожествляютъ съ понятіемъ «подданыхъ», подразумѣвая подъ послѣдними группу лицъ, связанныхъ между собой подчиненіемъ общей государственной власти и постояннымъ мѣстожительствомъ на строго опредѣленной государственной территории. Только въ самое послѣднее время въ связи съ обострившимся движениемъ национальныхъ меньшинствъ, въ юридическую терминологію проникаютъ элементы и материального этнографического определенія понятія «народъ». Движеніе это еще очень слабо и укрѣпляется лишь путемъ постоянной борьбы, часто встрѣчая противодѣйствіе со стороны господствующей въ государствѣ національности¹⁾). Какъ правило, юридическое и этнографическое значеніе слова «народъ» могутъ и не совпадать: такъ, напримѣръ, съ этнографической точки зрењія не существуетъ на самомъ дѣлѣ бельгійского народа, а лишь только фланандцы и валлоны, однако юридически бельгійская національность несомнѣнно есть. Такіе примѣры очень многочисленны и часты²⁾) и въ правовой дѣйствительности попадаются постоянно.

Теперь мы переходимъ къ третьему, наиболѣе для настѣ интересному случаю словоупотребленія: къ соціологическому определенію народа, какъ культурнаго единства, нѣкой недѣлимой духовной величины. Здѣсь мы находимъ наиболѣе глубокое определеніе, лишенное и тѣни какого-либо формализма. Поэтому надо постараться проникнуть въ самую суть вопроса о томъ, — что же обозначаетъ выраженіе «духовное единство»? Въ основѣ его несомнѣнно должна лежать свободная воля всѣхъ составныхъ частей данной общественной группы (называемой народомъ), воля къ единству, неоднократно проявленная и подтвержденная рядомъ фактовъ, главное изъ коихъ есть наличіе долгаго совмѣстнаго сожительства и духовнаго сотрудничества, выразивша-

¹⁾ Напр., Польша, несмотря на наличіе двухъ депутатовъ парламента — русскихъ, не хочетъ признавать существованія русского національнаго меньшинства. Подробно о взаимоотношениіи понятій «національность» и «подданство» смотри въ превосходной книгѣ D-ra L Rašína „Vzník a úznaní československého statu“, 1926.

²⁾ Любопытный случай представляетъ собой бывшая Австро-Венгерская Имперія, гдѣ со строго формальной точки зрењія не было единаго юридического «австро-венгерскаго» народа, а лишь механическое соединеніе нѣсколькихъ земель и народовъ на основѣ общности императорской власти и исторически возникшаго административнаго параллелизма (между Австріей и Венгріей).

Тося въ добровольномъ сътворчествѣ общихъ духовныхъ цѣнностей и богатствъ. Культура, какъ равнодѣйствующая интелектовъ отдѣльныхъ особей или народовъ — участниковъ, — культура, равно свойственная всѣмъ имъ, но полностью не принадлежащая никому въ особенности, — вотъ тѣ признаки, наличие которыхъ позволяетъ говорить о народѣ, какъ о культурномъ цѣломъ. Политическое сожительство часто является существеннымъ факторомъ для выработки единой культуры, однако его нельзя признать безусловно необходимымъ. Англо-Саксонскій міръ, несмотря на свою раздробленность, есть все же духовное единство, равно какъ и имперская Германія, нѣмецкіе кантоны Швейцаріи и Австріи тоже объединены культурно, будучи раздробленными политически. Возможны случаи духовнаго сотрудничества и безъ наличія политической близости, однако наиболѣе удобной и желательной обстановкой для созданія единой культуры является безспорно именно совпаденіе этническаго родства и общности политическихъ интересовъ. Въ этихъ условіяхъ легче всего можетъ зародиться пониманіе другъ друга, навыкъ къ сожительству и общая традиція, — эти послѣдовательныя ступени сознанія близости, выливающагося въ концѣ концовъ въ форму общей для всѣхъ племенъ-сотрудниковъ единой культуры.

Надо, конечно, помнить, что одинъ голый фактъ сожительства самъ по себѣ не даетъ еще возможности заключить безошибочно о наличіи духовнаго сотрудничества. Препятствіемъ могутъ служить и племенная отчужденность и исторически объясняемая интеллектуальная разобщенность. Вообще, повидимому, существуютъ какіе-то предѣлы, при которыхъ возможно это сотрудничество, а виѣ ихъ становятся невозможнымъ и немыслимымъ. Ирландія не сливаются духовно съ Англіей, а Польша всегда обостренно-враждебно относилась къ болѣе значительной и великой, чѣмъ ея собственная, русской культурѣ. Вообще можно говорить о наличіи духовнаго сотрудничества лишь только тогда, когда уже на лицо имѣются осязаемые его плоды. Такъ, между Юго-Западомъ и Сѣверо-Востокомъ Россіи несомнѣнно подобное сотрудничество существуетъ и представителемъ его была вся блестящая плеяда южноруссовъ — участниковъ общерусского культурнаго и политического строительства. Сюда должны быть причислены С. Погоцкій, Дмитрій Ростовскій, Ст. Яворскій, Ф. Прокоповичъ, братья Розумовскіе, Безбородко и многіе другие общерусскіе, а не только юго-западные политические дѣятели, Гоголь, Квитко, Гребенко, Шевченко и Данилевскій — писатели; ученые: Бодянскій, Максимовичъ, Потебня, Сумцовъ и много иныхъ. Но врядъ ли мыслимо говорить о наличіи такого сотрудничества между карпаторуссами и венграми, гдѣ, несмотря на тѣсное политическое сожительство, не было иныхъ отношеній, кроме

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
желанія насильственно мадъяризовать — съ одной стороны и отчаянной борьбы за сохраненіе своего національного лица — съ другой. Вообще не можетъ быть и рѣчи о духовномъ сотрудничествѣ тамъ, гдѣ присутствуетъ элементъ постояннаго принужденія и гнета. Такія ненормальныя явленія, какъ попытка русифицировать Финляндію, полонизація или румынизациія русскаго населенія польскихъ «кressовъ» и Бессарабіи, мадъяризациія словаковъ и карпаторуссовъ и т. п., — никогда не приводятъ къ длительному и искреннему духовному сотрудничеству, ибо они обыкновенно основаны на голодѣ насилии и сводятся не къ тому, чтобы выработать совмѣстно общую культуру, а лишь къ желанію пріобщить болѣе слабаго къ своей собственной, часто ему прямо враждебной и органически чуждой культурности. Карпаторуссъ для того, чтобы стать мадъяромъ, долженъ откинуть и забыть все свое прошлое и не онъ самъ, а именно его пріобщаются чужеземной и чужеродной духовности. Наоборотъ: великороссъ, южноруссъ и бѣлоруссъ сами созидали въ процессѣ историческаго сожительства общеrusскую культуру, ихъ никто насильственно не присоединялъ къ ней, а сами они были я творцами и созидателями. Русская культура это дѣло ихъ рукъ, плодъ совмѣстнаго творчества и работы. Образно выражаясь, можно было бы сказать, что они сообща создали алфавитъ и вмѣстѣ по нему научились читать и писать.

Въ результатѣ этнографической близости — братства по крови, въ результатахъ общаго исторического пути и вслѣдствіе непрерывной воли къ тѣсному сожительству¹⁾ и живому ощущенію общности, — выработалась единая культура, создался русскій народъ, какъ нѣчто новое, синтетическое, недѣлимое. Получилось идеальное тріединство, подобное тріединству святой Тройцы, — тройственное, но въ то же время и единое въ своемъ нераздѣльномъ существѣ.

¹⁾ Воля къ тѣсному сожительству со стороны запорожскихъ казаковъ ясно обрисовалась въ ихъ договорѣ съ Москвой. Блестящій анализъ Переяславльского договора (1654 г.) далъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ историковъ, проф. В. А. Мякотинъ въ своемъ докладѣ на академическомъ съездѣ въ Прагѣ (1924 г.). Вотъ тезисы его доклада: «1) Съ формальной юридической стороны т. н. Переяславльскій договоръ не былъ, строго говоря, договоромъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. 2) Въ дѣйствительности однако присоединеніе Украины къ Московскому государству совершилось на извѣстныхъ условіяхъ и не было простой инкорпорацией. 3) Условія эти не покрывались т. наз. Переяславльскимъ договоромъ или «статьями» Богдана Хмѣльницкаго. 4) Названныя «статьи» отразили въ себѣ не реальную дѣйствительность, а лишь идеологію высшаго общественнаго слоя гетманщины и только отчасти соответствовали реальнымъ условіямъ». Любопытенъ и самъ языкъ договора, какъ яркое доказательство того, что казаки чувствовали духовную общность съ Москвой.

III.

Большимъ недостаткомъ русскаго языка является то, что прилагательное «русскій» мы одновременно употребляемъ и въ качествѣ имени существительнаго въ то время, какъ для всѣхъ другихъ народовъ нашъ языкъ обладаетъ ясно расчлененными понятіями состоянія и принадлежности. Мы говоримъ: нѣмецъ и нѣмецкій, французъ и французскій и, только для себя, мы не различили этого. Принципіально правильно было бы говорить «россъ» или же «росіянинъ», однако оба эти слова приняли теперь какой то риторическій оттѣнокъ и поэтому вышли изъ употребленія. Князь А. М. Волконскій¹⁾, противополагая два существующія въ современномъ русскомъ языкѣ имени нашей страны (Русь и Россія) и образованныя отъ нихъ прилагательныя (русскій и россійскій), поясняетъ, что послѣднее употреблялось въ наше время въ торжественныхъ формулахъ официальнаго языка, а ранѣе «въ напыщенномъ стилѣ XVIII вѣка». Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Въ слово Русь вкладывается чувство любви, горести и радости, въ словѣ «российскій» чувствуется присутствіе имперіалистической идеи. Въ словѣ же «Россія» звучитъ спокойное дѣловое обозначеніе.

Отчасти онъ неправъ. Имя «Россія» (и это имѣть большое символическое значеніе) — не русское, а иноземное, греческое имя. Оно родилось въ Византіи еще въ X вѣкѣ, но, если не считать рѣдкихъ случаевъ его употребленія въ XVII вѣкѣ въ книжномъ языкѣ, оно остается безъ всякаго влиянія на русскую рѣчь въ теченіе восьми вѣковъ, т. е. до XVIII столѣтія. И понятно, почему это было такъ: въ національной психологіи вовсе и не было концепціи «Россія»: до XVIII вѣка была только «Москва», «Русь». Когда же эта концепція родилась, то воспользовались готовымъ греческимъ словомъ, и оно сразу принялось, какъ наиболѣе національное изъ всѣхъ близкихъ словъ.

Характерно, что еще въ нынѣшнее время слово «русскій» часто тенденціозно и преднамѣренно отожествляется съ понятіемъ «великороссъ». Это словоупотребленіе явно неправильно ни съ исторической, ни съ лингвистической точекъ зрѣнія, и его надо тщательно избѣгать.

Надо считать, что название «русскій» не свойственно только одному великоросскому племени, но въ равной мѣрѣ принадлежитъ и южноруссамъ и белоруссамъ; оно является родовымъ понятіемъ, объединяющимъ всю совокупность видовыхъ понятій и могущимъ быть равно приложимъ къ каждому изъ нихъ въ отдельности. Это явствуетъ уже изъ того, что и въ кіевскомъ и въ московскомъ періодѣ на-

¹⁾ Въ книгѣ „La verit  historique et la propagande ukrainophile“.

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
шай исторіи названіе «руссکій» было неизмѣнно сохраня-
емо и передаваемо; терминъ «русскій», «руссъ», «россъ» вхо-
дить составной частью въ названіе каждого изъ племенъ,
въ то время, какъ другіе термины «малая», «великая», «бѣ-
лая», «червонная» служатъ намъ лишь для большаго уточ-
ненія и опредѣленія той или иной вѣтви¹). Ничто, пожалуй,
такъ хорошо не подчеркиваетъ единство русскаго народа,
какъ это присутствіе слова «русскій» въ названіи всѣхъ
племенъ.

Это единство созидалось всѣми ими ; проф. С. Г. Ви-
линскій²) пишеть : «На зарѣ своей культуры, на разsvѣтѣ
своего литературнаго развитія украинскій народъ уже про-
являетъ національное самосознаніе: сознаніе себя русскимъ
народомъ, идея національного единства или единства земли
Русской красной нитью проходитъ черезъ всѣ свѣтскіе и
духовные памятники. Такъ, ее развиваетъ лѣтописецъ,
скорбя о княжескихъ усобицахъ, подрывающихъ благо на-
рода и земли русской ; эту же идею проводить и авторъ
слова о полку Игоревѣ и Владіміръ Мономахѣ и даже ав-
торы церковныхъ поученій (напр., Илларіонъ)...»

Интересно отмѣтить, что, несмотря на раздѣленіе пре-
жде единой русской земли въ періодъ съ половины XIII и до
второй половины XVII вѣда, — ни въ Сѣверо-Восточной, ни

¹⁾ Раньше не существовало слова «Украина» въ томъ смыслѣ,
въ какомъ оно употребляется нынѣ. Господствующее мнѣніе полага-
етъ, что понятіе «Украина» равносильно понятію «окраина» — окраина
земли русской (см. языкъ актовъ московской Руси: «сибирскія укра-
ины»). Проф. Максимовичъ думаетъ, что у украинцевъ «україной» зо-
вается «поле». С. П. Шелухинъ («Назва України», Видень, 1925) утвер-
ждаетъ, что «Україна» происходитъ отъ слова «украяти» — рѣзать и
означаетъ обособленную страну. Я полагаю, что до нѣкоторой степени
правъ С. П. Шелухинъ, но существенная ошибка его заключается въ
томъ, что онъ забываетъ, что и въ русскомъ языкѣ «украина» — «ок-
раина» обозначаетъ не только землю, лежащую далеко отъ центра —
«у края чего либо», но одновременно и провинцію въ смыслѣ админи-
стративномъ, нѣчто точно ограниченное, опредѣленное, «укроенное». Поэому нельзя забывать, что «сибирскою украиною» назвали сибир-
ское воеводство. Южная Русь, будучи тоже обособленной администра-
тивной единицей, равно какъ и Сибирь, называлась украиной. Слѣдо-
вательно: происхожденіе слова «Украина» вовсе не исключительно
«малорусское», а главнымъ образомъ московское, великорусское. Лишь
позже, отчасти по привычкѣ, отчасти по незнанію «украина» изъ имени
нарицательнаго стала собственнымъ и понятіемъ «области»; теперь
пытаются такъ называть страну, — конечно, подобное словоупотре-
бленіе съ научной точки зрењія — наивно.

²⁾ Статья проф. д-ра С. Г. Вилинского «Основныя идеи украин-
ской литературы въ „Sbornik-ѣ prof. Jana Machala“.

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІИФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
въ Юго-Западной части ея не забывалось бывшее общимъ для обѣихъ частей имя Русь, иначе — русская земля, Русія, Россійское царство и т. д. Иными словами, — сознаніе своего національного единства не прерывалось.

Для доказательства, приведемъ хоть нѣсколько примѣровъ изъ множества общеизвѣстныхъ фактовъ.

Такъ, въ лѣтописныхъ сводахъ (Лаврентьевскій, Ипатьевскій и др.) постоянно встрѣчаются упоминанія о «**русской землѣ**», чemu не вредятъ даже упоминанія объ отдельныхъ областяхъ или земляхъ — Тверской, Новгородской, Сузdalской и др., которые въ сознаніи лѣтописца представляются какъ бы лишь частями единой русской земли.

Далѣе, въ періодъ татарского ига мы видимъ выработанныя на соборѣ епископовъ во Владимірѣ въ 1274 г. «Правила Кирилла III-го митрополита **русскаго**» (а не Владиміро-Сузdalскаго). Позже, въ періодъ Московскаго царства, наряду съ официальнымъ терминомъ «Московскій», постоянно встрѣчаемъ и терминъ «Русскій», а иногда даже «Россійскій»: напр., въ Словѣ похвальному князю тверскому Борису Александровичу» (около 1453 г.) инока єомы читаемъ: «слышаша велиции **рустіи** князи и вельможи»; въ «Хожденіи за три моря» Аѳанасія Никитина (вторая половина XV вѣка) найдемъ такія выраженія: «ты оставилъ вѣру свою на Руси», «братья **русьтіи** христіяне» и др.; послѣ всего, что Аѳанасій видѣлъ въ разныхъ странахъ, прекраснѣе всего онъ считаетъ все же Русскую землю: «Русская земля — да сохранить ее Богъ! Боже, сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣть такой прекрасной страны. Да устроится **Русская земля!**» Изъ памятниковъ XVI вѣка укажемъ хотя бы на «Стоглавъ» 1551 г.), где въ главѣ 25-ой говорится о томъ, что училища прежде бывали «въ **Російскомъ** царствѣ на Москвѣ и въ великому Новгородѣ и по инымъ градамъ». Публицистъ второй половины XVI вѣка Иванъ Пересвѣтовъ въ своей чelобитной и въ другихъ сочиненіяхъ титулуетъ Ивана IV «царемъ всеа **Русії**»; Ермолай Прегрѣшный, писатель той же эпохи, говоритъ о «превеликомъ всея **Россіи** архіереѣ Макаріи митрополитѣ» (въ сочиненіи: «Къ царю моленіе»). Въ житіяхъ XVI вѣка (напр., въ житіи Іосифа Волоколамскаго) царь называется «православнымъ государемъ всея **Росії**». Иванъ Грозный, въ посланіи къ князю А. М. Курбскому 1577 г. пишетъ: «всё говорили, (что) нѣть людей на **Руси**» (а не — «въ **Московскомъ** царствѣ»). Въ «Сказаніи о Псковскомъ взятіи» (XVI вѣкѣ) Василій III именовалъ «великимъ княземъ всея **Руссії**». То же — и въ памятникахъ XVII вѣка, напр., въ «Преніяхъ съ греками о вѣрѣ» Арсенія Суханова, въ «Книгѣ о вѣрѣ» (XVII вѣкѣ) говорится объ отношеніи «**Россійскаго народа**» къ восточнымъ патріархамъ; въ той же «Книгѣ о вѣрѣ» разсказано, напр., какъ въ 1595 (точнѣе 1596) году —

Подобно съверо-восточной Руси, и юго-западная помнила (во все время раздѣленія) о своей принадлежности къ одному русскому племени. Напримѣръ, до 1386 года въ Литовско-русскомъ государствѣ господствовала культура русская, какъ болѣе сильная и высокая, а государственнымъ языкомъ былъ русскій; да и позже, въ XV вѣкѣ (напр. въ Городельскомъ постановлѣніи начала XV-го вѣка) упоминаются «люди русского языка». Достаточно напомнить также хотя бы имена такихъ дѣятелей Ю. З. Руси, какъ князя А. М. Курбского, князя К. К. Острожского, Ф. Скорины, Фѣоля и др.: всѣ они не только говорили о русскомъ народѣ, но и ревностно служили дѣлу просвѣщенія его. Авторъ «Перестроги» (начала XVII в.) говоритъ, что «были на Руси великие ревнители, разсказываетъ о «паньствѣ русскомъ», о Руси и о томъ, что «поляци русскія паньства пообсѣдали»: здѣсь подъ «русскими» разумѣется, конечно, населеніе Ю.-З. Руси. Знаютъ слово «русскій» и авторы лексиконовъ; напр., Лаврентій Зизаній (приложеніе къ его грамматикѣ 1596 г. называется: «Лексисъ сирѣчъ реченія, вкратцѣ събранны и изъ (безъ «ъ») словенскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованы») или Памва Берында, умершій въ 1632 г. («Лексиконъ словено-росскій») и другіе.

Однимъ словомъ, несмотря на раздѣленіе, до второй половины XVII вѣка, обѣ части русского народа все время чувствовали свое единство и выражали его въ совершенно одинаковыхъ формахъ, — пользуясь терминами: «русскій», «Россія» и т. п.

Съ воцареніемъ Петра Перваго была окончена историческая роль Москвы. Народилась новая нація — «rossijskaya» и при рожденіи ея произошелъ двойной сдвигъ: измѣнились,—а именно расширились—одновременно и объемомъ и содержаниемъ—понятія и чувства націи¹), и россійская нація вмѣстила въ себя, — въ противоположность московской, — и «московитовъ», и «черкасъ» (южно-руссовъ), и балтійскихъ нѣмцевъ, и татаръ, и иныхъ инородцевъ, а также и служилыхъ иноземцевъ, во множествѣ съѣхавшихся въ Россію и оставшихся тамъ навсегда. Начался грандіозный процессъ ассимиляціи; раньше единство русскихъ племенъ было почти исключительно духовнымъ, теперь оно становится и формальнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ расширилось и измѣнилось и живое содержаніе національного чувства. «Національнымъ» стало въ Имперіи совсѣмъ не то, что было въ Москвѣ. Красной чертой отмѣтилось въ новой націи ея европейское со-

¹⁾ Смотри обѣ этомъ любопытную и остроумную статью А. Салтыкова: «Русь и Россія» въ 846 №-ѣ газеты «Возрожденіе» (Парижъ).

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
знаніе, ея куда обширнѣйше и достойнѣйше мѣсто въ міровомъ планѣ, ея гармоническое сочетаніе съ этимъ планомъ. Своебразная идеология Москвы («теорія третьяго Рима»), ея нетерпимая исключительность, ея мистическое «недѣланіе» и прикрытое воинствующей идеологіей сознаніе собственной слабости — претворяются въ новой имперской націи въ не менѣе своеобразный универсализмъ, въ стремленіе отважного молодого духа, въ культъ безконечнаго, въ почти космическое дѣланіе. Все это было дано въ новомъ имени націи (Россія), которое замѣнило прежнее имя (Москва).

Въ этомъ новомъ государствѣ — Россіи — кипѣла интенсивная работа и съ подлиннымъ паѳосомъ творчества созидалась общерусская культура. Она была единой, и это чувство единства, въ силу самаго хода исторіи, такъ пропитало сознаніе всѣхъ составныхъ частей, что попытка отрыва всегда производить впечатлѣніе чего-то неестественного и немыслимаго, и наоборотъ : всякая тенденція къ соединенію кажется намъ законной, цѣлесообразной и единствено разумной. Невозможно взять обратно свой вкладъ изъ сокровищницы русского духовнаго богатства, забыть прошлое, размежеваться и сказать : — это мое, а то — ваше. Всякая подобная попытка была бы духовнымъ обнищеніемъ самаго отошедшаго, попыткой самоубійства; вѣдь, живя полнымъ богатствомъ культурнаго духа, отказаться отъ него и удовлетвориться частью вмѣсто цѣлага — означало бы необходимость лишиться чего-то такого, что органически приросло къ національному облику, стало кровью отъ крови и плотью отъ плоти. Отказъ отъ прошлаго вредилъ бы больше всего самому отказавшемуся, ибо означалъ бы необходимость зачеркнуть и уничтожить весь славный періодъ совмѣстнаго творчества, признать неправильнымъ и ненужнымъ все то, чѣмъ жили долгія поколѣнія предковъ, что они сдѣлали и создали. Это участіе въ творчествѣ культуры является предметомъ національной гордости для каждого изъ участниковъ ; поэтому то одно лишеніе возможности совмѣстно творить далѣе должно казаться несчастьемъ и горемъ.

¹⁾ Поэтому не можетъ быть оправданія попыткамъ политического и культурнаго сепаратизма. Всякая подобная попытка, вполнѣ законная и оправдываемая, напримѣръ, въ условіяхъ старой Австро-Венгрии, гдѣ не было духовнаго сотрудничества, не можетъ быть оправдываема въ отношеніи къ Россіи, гдѣ каждый штрихъ, каждая черта прошлаго — продуктъ совмѣстной работы всѣхъ трехъ племенъ — южноруссовъ, великороссовъ и бѣлоруссовъ, а отчасти также и другихъ, входившихъ въ составъ Россіи народовъ. Мы видимъ, что должны выносить украинское и бѣлорусское (не говоря уже о русскомъ) національныя меньшинства въ Польшѣ ; — единственнымъ выводомъ изъ этого можетъ быть только сознаніе, что исключительно въ политиче-

Высшія достиженія этого совмѣстнаго творчества выились въ своеобразіи русскаго благочестія и религіозности, отразились какъ въ неисчерпаемомъ богатствѣ народной поэзіи, такъ и въ характерѣ русскаго языка и блескѣ литературы. Общность языка всегда была и будетъ главнѣйшимъ критеріемъ степени духовнаго сотрудничества и наиболѣшимъ доказательствомъ его наличности. Развитой литерат. языкъ какъ бы дѣлаетъ народъ — народомъ; въ процессѣ самоутверженія народъ доказываетъ свое бытіе наличіемъ общаго языка. Развитой литературный языкъ является наиболѣе могучимъ импульсомъ къ пробужденію національной сознательности, а коль разъ пробудится самосознаніе, то всѣ жизненные порывы націи перестаютъ быть стихійными, неясными и неопределѣленными, а оформляются, получаютъ конкретную цѣль и болѣе не зависятъ уже отъ случайности, ибо въ народной психикѣ прочно укрѣпляется сознаніе цѣли своего бытія. Только тотъ народъ можетъ достигнуть наивысшаго расцвѣта культуры, который сознаетъ свое духовное единство и обладаетъ общимъ языкомъ, какъ явственнымъ признакомъ подлинности этого чувства культурной общности. Русская рѣчъ, развиваясь и ширясь, одновременно укрѣпляетъ сознаніе органической духовной связи между всѣми племенами, интеллигенція которыхъ пишеть, говорить и думаетъ по-русски.

IV.

Изъ многочисленныхъ и многообразныхъ «корней», опредѣляющихъ національныя особенности государственности націй, а равно и ихъ мѣсто въ общей работѣ человѣчества, главнѣйшими являются родной языкъ и воспитаніе въ подростающемъ поколѣніи національнаго міровоззрѣнія, т. е. знанія прошлой и настоящей жизни своей страны, любви и духовнаго къ ней тяготѣнія. Тѣ народности или части ихъ, которые въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ причинъ теряютъ непосредственную связь съ родной землей, — часто бываютъ обречены на утрату чувства національности, если утрачиваютъ свой родной языкъ и если получаютъ и образованіе и все пониманіе окружающаго ихъ міра подъ чуждымъ угломъ зрѣнія.

Говоря объ утратѣ русскаго языка, мы разумѣемъ не только одно лишь формальное забвеніе его, не одну безграмотность разговорной рѣчи или письма, не одно лишь

скомъ единствѣ русскихъ племенъ можетъ быть подлинная гарантія дальнѣйшаго спокойнаго развитія Национально-культурное самосознаніе обязываетъ насъ и къ самосознанію политическому, — къ борбѣ за единство.

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
знаніе, ея куда обширнѣйше и достойнѣйше мѣсто въ міровомъ планѣ, ея гармоническое сочетаніе съ этимъ планомъ. Своеобразная идеология Москвы («теорія третьяго Рима»), ея нетерпимая исключительность, ея мистическое «недѣланіе» и прикрытое воинствующей идеологіей сознаніе собственной слабости — претворяются въ новой имперской націи въ не менѣе своеобразный универсализмъ, въ стремленіе отважного молодого духа, въ культъ безконечнаго, въ почти космическое дѣланіе. Все это было дано въ новомъ имени націи (Россія), которое замѣнило прежнее имя (Москва).

Въ этомъ новомъ государствѣ — Россіи — кипѣла интенсивная работа и съ подлиннымъ паѳосомъ творчества созидалась общерусская культура. Она была единой, и это чувство единства, въ силу самаго хода исторіи, такъ пропитало сознаніе всѣхъ составныхъ частей, что попытка отрыва всегда производить впечатлѣніе чего-то неестественного и немыслимаго, и наоборотъ: всякая тенденція къ соединенію кажется намъ законной, цѣлесообразной и единствено разумной. Невозможно взять обратно свой вкладъ изъ сокровищницы русского духовнаго богатства, забыть прошлое, размежеваться и сказать: — это мое, а то — ваше. Всякая подобная попытка была бы духовнымъ обнищеніемъ самаго отошедшаго, попыткой самоубійства; вѣдь, живя полнымъ богатствомъ культурнаго духа, отказаться отъ него и удовлетвориться частью вмѣсто цѣлага — означало бы необходимость лишиться чего-то такого, что органически приросло къ національному облику, стало кровью отъ крови и плотью отъ плоти. Отказъ отъ прошлаго вредилъ бы больше всего самому отказавшемуся, ибо означалъ бы необходимость зачеркнуть и уничтожить весь славный періодъ совмѣстнаго творчества, признать неправильнымъ и ненужнымъ все то, чѣмъ жили долгія поколѣнія предковъ, что они сдѣлали и создали. Это участіе въ творчествѣ культуры является предметомъ національной гордости для каждого изъ участниковъ; поэтому то одно лишеніе возможности совмѣстно творить далѣе должно казаться несчастьемъ и горемъ.

¹⁾ Поэтому не можетъ быть оправданія попыткамъ политического и культурнаго сепаратизма. Всякая подобная попытка, вполнѣ законная и оправдываемая, напримѣръ, въ условіяхъ старой Австро-Венгрии, гдѣ не было духовнаго сотрудничества, не можетъ быть оправдываема въ отношеніи къ Россіи, гдѣ каждый штрихъ, каждая черта прошлаго — продуктъ совмѣстной работы всѣхъ трехъ племенъ — южноруссовъ, великороссовъ и бѣлоруссовъ, а отчасти также и другихъ, входившихъ въ составъ Россіи народовъ. Мы видимъ, что должны выносить украинское и бѣлорусское (не говоря уже о русскомъ) національныя меньшинства въ Польшѣ; — единственнымъ выводомъ изъ этого можетъ быть только сознаніе, что исключительно въ политиче-

Высшія достиженія этого совмѣстнаго творчества выились въ своеобразіи русскаго благочестія и религіозности, отразились какъ въ неисчерпаемомъ богатствѣ народной поэзіи, такъ и въ характерѣ русскаго языка и блескѣ литературы. Общность языка всегда была и будетъ главнѣйшимъ критеріемъ степени духовнаго сотрудничества и наиболѣшимъ доказательствомъ его наличности. Развитой литерат. языкъ какъ бы дѣлаетъ народъ — народомъ; въ процессѣ самоутвержденія народъ доказываетъ свое бытіе наличіемъ общаго языка. Развитой литературный языкъ является наиболѣе могучимъ импульсомъ къ пробужденію національной сознательности, а коль разъ пробудится самосознаніе, то всѣ жизненные порывы націи перестаютъ быть стихійными, неясными и неопределѣленными, а оформляются, получаютъ конкретную цѣль и болѣе не зависятъ уже отъ случайности, ибо въ народной психикѣ прочно укрѣпляется сознаніе цѣли своего бытія. Только тотъ народъ можетъ достигнуть наивысшаго расцвѣта культуры, который сознаетъ свое духовное единство и обладаетъ общимъ языкомъ, какъ явственнымъ признакомъ подлинности этого чувства культурной общности. Русская рѣчъ, развиваясь и ширясь, одновременно укрѣпляетъ сознаніе органической духовной связи между тѣми племенами, интеллигенція которыхъ пишетъ, говоритъ и думаетъ по-русски.

IV.

Изъ многочисленныхъ и многообразныхъ «корней», опредѣляющихъ національныя особенности государственности націй, а равно и ихъ мѣсто въ общей работѣ человѣчества, главнѣйшими являются родной языкъ и воспитаніе въ подростающемъ поколѣнніи національнаго міровоззрѣння, т. е. знанія прошлой и настоящей жизни своей страны, любви и духовнаго къ ней тяготѣнія. Тѣ народности или части ихъ, которые въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ причинъ теряютъ непосредственную связь съ родной землей, — часто бываютъ обречены на утрату чувства національности, если утрачиваютъ свой родной языкъ и если получаютъ и образованіе и все пониманіе окружающаго ихъ міра подъ чуждымъ угломъ зреїнія.

Говоря объ утратѣ русскаго языка, мы разумѣемъ не только одно лишь формальное забвеніе его, не одну безграмотность разговорной рѣчи или письма, не одно лишь

скомъ единствѣ русскихъ племенъ можетъ быть подлинная гарантія дальнѣйшаго спокойнаго развитія Национально-культурное самосознаніе обязываетъ насъ и къ самосознанію политическому, — къ борьбѣ за единство.

обѣднѣніе запаса словъ или неполное пониманіе выражаемыхъ ими понятій. Языкъ народа не только формальный, но и духовный его органъ: онъ хранить въ себѣ всю сокровищницу его міросозерцанія, его исторіи, быта, его духовныхъ устремленій и постиженій, — все чувствованіе имъ національной жизни. Забывая языкъ, націи забываютъ свое прошлое, перестаютъ понимать связь и преемственность съ нимъ своего настоящаго, мѣняютъ свое мировоззрѣніе, т. е. денационализируются.¹⁾

Говоря о русскомъ языкѣ надо различать живой говоръ отъ языка литературнаго. Конечно, на томъ огромномъ пространствѣ, которое занимала Россійская Имперія, не могло быть и рѣчи о единствѣ живого говора. Если уже въ самые первые вѣка русской письменности чувствуются діалектическія различія (новгородецъ, наприм., писалъ и говорилъ: «цидо», «конечъ» тамъ, гдѣ кіявланинъ говорилъ «чюдо» (чудо), «конецъ»), то съ теченіемъ времени эти различія не уменьшались, а увеличивались, ибо къ особенностямъ фонетическимъ (т. е. особенностямъ произношенія отдѣльныхъ звуковъ) стали прибавляться и особенности лексическія, т. е. измѣненія въ составѣ словъ языка. Сталкиваясь съ другими народами, жители той или иной пограничной мѣстности часто воспринимаютъ слова и обороты чужихъ языковъ: этимъ можно объяснить, напр., обиліе польскихъ словъ въ юго-западной Руси (панъ, жартовать, костель и др.), присутствіе финскихъ и татарскихъ корней въ сѣверо-восточной Руси («лошадь» вмѣсто «конь» халатъ, кумысъ, таможня и т. д.) или, напр., прославленный «одесский языкъ» (ѣхать съ конкой), «вагонъ набить битками» вмѣсто «биткомъ», «вовсе хорошо провели время», «скучать за кѣмъ и т. п.), сложившійся подъ вліяніемъ той «смѣси народовъ и лицъ», какую представляетъ Одесса. Эти мѣстныя отличія, называемыя діалектическими, иногда даже даютъ право поставить вопросъ, не слѣдуетъ ли тотъ или иной особенно развившійся діалектъ считать даже самостоятельнымъ языкомъ (напр., белорусскій и южно-русскій или украинскій). Извѣстно, что русскій языкъ наука дѣлить на три нарѣчія: великорусское, малорусское (или южно-русское) и белорусское (или западно-русское); однако и великорусское нарѣчіе дѣлится на поднарѣчія — сѣверное или «окающее» и

¹⁾) Вопросъ о денационализациі дѣтей русскихъ эмигрантовъ въ настоящее время весьма озабочиваетъ и родителей и отдѣльныхъ педагоговъ и русскія педагогическія организаціи за границей, его обсуждаютъ; ему посвящаются многочисленныя статьи (Смотри, напр., любопытную статью Старого Педагога «Национальная традиція и школа» въ газ. «Послѣднія Новости», № 2380, и друг.).

южное или «акающее»,¹⁾ и южно-русское нарѣчіе тоже различаетъ западное или Киевское поднарѣчіе отъ восточного или Харьковскаго ; конечно, вездѣ и между поднарѣчіями есть много переходныхъ чертъ различія.

Если считаться съ живыми говорами, то, пожалуй, можно было бы разбить русскій языкъ на нѣсколько отдельныхъ языковъ (или хотя бы діалектовъ), ибо отдельные слова жителей одной мѣстности не всегда будутъ понятны жителямъ другой : южанинъ не пойметъ многихъ словъ въ «Подлиповцахъ» Рѣшетникова или «Въ лѣсахъ» Мельникова-Печерского, а съверянина — у Гоголя или Квитки. Но здѣсь на помощь приходитъ **русскій литературный языкъ**, который объединяетъ всѣхъ русскихъ людей, гдѣ бы они не жили.

Этотъ литературный языкъ пришелъ къ намъ въ X вѣкѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ : съ христіанствомъ пришли къ намъ церковно-богослужебныя книги, писанныя на древне-церковнославянскомъ (или древнеболгарскомъ) языкѣ — темъ самомъ, на который свв. Кириллъ и Меѳодій перевели эти книги. Это не былъ русскій языкъ, но языкъ весьма близкій русскому, какъ и вообще тогда всѣ славянские языки были близки другъ другу. Но уже въ самую древнюю пору нашей письменности мы видимъ сближеніе и даже слитіе этого церковнославянского языка съ русскимъ : russизмы встрѣчаются уже въ древнѣйшемъ сохранившемся памятникѣ этого языка, писанномъ на Руси — въ Острорвивомъ Евангеліи 1056 г. Если въ XII—XIII вѣкахъ еще замѣтна разница между языкомъ церковныхъ книгъ и литературой — съ одной стороны, и языкомъ грамотъ, договоровъ, завѣщаній и т. п., писавшихся разговорнымъ языкомъ, — съ другой стороны, то уже въ XV—XVI вѣкахъ этой разницы мы не видимъ и, напр., Домострой или Стоглавъ (памятники XVI-го вѣка) писаны особымъ литературнымъ языкомъ, соединившимъ въ себѣ элементы и старого церковно-славянского и живого русского языка. Дальнѣйшая судьба русского литературного языка извѣстна : наплыvъ переводныхъ повѣстей и другихъ, прозаическихъ сочиненій въ XVII-омъ вѣкѣ обогатилъ нашъ литературный языкъ словами польскими и латинскими ; Петровская эпоха принесла множество словъ нѣмецкихъ, голландскихъ, французскихъ, англійскихъ и иныхъ языковъ ;²⁾ въ серединѣ

¹⁾ Самымъ чистымъ считается говоръ Москвы и ея окрестностей, приблизительно радиусомъ верстъ въ 50 вокругъ Москвы.

²⁾ Смотри объ этомъ любопытнѣйшее изслѣдованіе г. Смирнова о вліяніи иностранныхъ языковъ на русскій въ Петровскую эпоху (въ 88 томѣ Сборника Отдѣленія русского языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, С. П. Б. 1910 г.).

XVIII-го вѣка Ломоносовъ пытается ввести порядокъ въ, пользованіи различными стихіями русскаго литературнаго языка и, въ частности, ограничиваетъ пользованіе церковно-славянскими словами, оставляя ихъ для «высокаго штиля». Потомъ пришли сентиментализмъ (Карамзинъ) и романтизмъ (Жуковскій и другіе), при чемъ оказалось необходимымъ для выраженія тѣхъ живыхъ и нѣжныхъ чувствъ, какія изображались въ произведеніяхъ, писанныхъ въ духѣ этихъ направленій, упростить языкъ, приблизивъ его къ разговорному. Наконецъ, явился бессмертный Пушкинъ, окончательно сблизившій языкъ литературный съ разговорнымъ и утвердившій принципъ: «пиши, какъ говоришь, и говори, какъ пишешь». На долю послѣдующихъ писателей осталась лишь шлифовка языка, обработка деталей, завершеніе практической работы надъ языкомъ въ духѣ Пушкинскаго завѣта. Въ этой работе приняли участіе всѣ русскіе писатели: здѣсь были и жители центральныхъ губерній (Тургеневъ, Салтыковъ, Толстой, Успенскій и другіе), и сѣверяне (Писемскій, Максимовъ, Помяловскій, Шеллеръ и пр.) и уроженцы Юга (Гоголь, Гребенка, Короленко, Данилевскій, Станюковичъ и иные), и жители Поволжья (Гончаровъ, Григоровичъ, Боборыкинъ, Слѣпцовъ и др.), и сибиряки (Наумовъ, Маминъ-Сибирякъ), и уроженцы Кавказа (Немировичъ-Данченко). Каждый, по мѣрѣ силъ, вносилъ свою долю труда въ созданіе русскаго общелитературнаго языка и чувствовалъ себя русскимъ писателемъ, при чемъ часто не забывалъ и особенностей быта и языка той мѣстности, откуда происходилъ.¹⁾

Если спросить, что же это за общій всѣмъ литературный языкъ, — то отвѣтъ будетъ ясенъ: это — **языкъ русской культуры**, то есть тотъ языкъ, который выработанъ людьми, воплотившими въ себѣ духовную силу и мощь русскаго на-

¹⁾ Въ цитированной уже статьѣ (стр. 263) проф. Вилинскій говоритъ: «Вступленіе большей части Украины въ составъ Московскаго государства привело къ тому, что украинская интеллигентія приняла участіе въ культурной жизни Москвы, а впослѣдствіи — Российской Имперіи: уже съ XVII-го вѣка мы видимъ въ числѣ русскихъ и государственныхъ дѣятелей и поэтовъ и ученыхъ и духовенства — лицъ украинского происхожденія и число ихъ все возрастаетъ (Дмитрій Ростовскій, Разумовскіе, Безбородко, Богдановичъ, Капнистъ, позже Гоголь, Нарѣжный, Максимовичъ, Бодянскій и многіе, многіе другіе). Но, принимая участіе въ созданіи общерусской культуры, втягиваясь въ общегосударственные интересы, пользуясь общерусскимъ литературнымъ языкомъ, — многіе изъ украинскихъ дѣятелей не прерываютъ связи съ роднымъ народомъ. Если Овсяннико-Куликовскій назвалъ Гоголя «общеруссомъ на малорусской основѣ», то это название вполнѣ примѣнимо не къ одному только Гоголю...

рода. Россійская Имперія, объединивъ въ себѣ большую часть русского народа, равно какъ и другіе народы, жившіе на территоріи ея (татары, народы Кавказа и Сибири, финны, часть поляковъ и т. д.), создала свою мощную культуру, культуру общерусскую, въ которой, какъ рѣки и ручьи сливаются въ морѣ, слились духовные силы и дарованія всѣхъ, кто чувствовалъ свою связь съ единою русскою культурою. Смѣшно было бы вспоминать, что въ жилахъ Кантеміра или Хераскова текла молдавская кровь, Жуковскаго — турецкая, Баратынскаго или Баранцевича — польская, Надсона — еврейская и т. д. Всѣ они были **русскіе**, поскольку воспитывались на русской культурѣ и поскольку плоды своей духовной жизни выражали на русскомъ языкѣ. Вотъ этотъ-то общерусскій языкъ и составляетъ богатство русского народа и служить связью между всѣми частями его, не взирая на діалектическія особенности отдельныхъ мѣстностей.

Тоже самое относится и къ народному творчеству. Народная поэзія — это лучшее, наиболѣе легкое и доступное средство заглянуть въ жизнь простого русского человѣка. Пѣсня, которую поетъ мать надъ колыбелью своего ребенка, шаловливая пѣсенки дѣтей, въ которыхъ иногда сохраняются слѣды глубокой языческой старины, пѣсни бытовые, часто безконечно глубокія по мысли и чувству, часто и «неприличныя» (съ современной точки зрењія), то шутливые и грустныя, то серьезные обрядовые, то безшабашные плясовые, — наконецъ, вся свадебная «игра» и ритуалъ похоронныхъ заплачекъ, — все это такъ полно охватываетъ всю жизнь народа, всѣ ея случайности, ея свѣтлые и темные стороны, что съ богатствомъ и разносторонностью этого содержанія не сравнится поэзія лучшихъ нашихъ лириковъ. «Старинная былина, замирающая на окраинахъ Россіи, пѣсня-баллада о разныхъ темныхъ и свѣтлыхъ приключеніяхъ частной жизни, сказка, остроумная пословица, вводящая насъ въ глубины народной мудрости, веселая прибаутка, — это все такие перлы, которыми можетъ гордиться русскій народъ» — говоритъ одинъ изъ современныхъ изслѣдователей.¹⁾)

Народная пѣсня, странствуя по русской землѣ, сглаживала въ себѣ мѣстные черты; образы, сходные въ разныхъ пѣсняхъ, стали смѣшиваться, сливаться; около одного ге-

¹⁾ Этому не противорѣчить даже современный взглядъ на преобладаніе личного начала въ народной пѣснѣ: конечно, создаетъ пѣсню наиболѣе даровитая, выдающаяся личность, но отъ творца своего пѣсня идетъ въ народные массы и тамъ или прививается или пропадаетъ, въ зависимости отъ того, принимаетъ ли ее народъ (если она выражаетъ общія всѣмъ мысли и чувства) или отвергаетъ (какъ пропитанную узко-субъективными настроеніями).

роя (напр., Илья) стали группироваться пѣсни, герой которыхъ были похожи на него : — такъ сложились «типы» былинныхъ героевъ. Эти «типы» уже не носятъ специфического мѣстного характера : утерявъ его, они зато пріобрѣли тѣ черты, которыя роднятъ ихъ каждому русскому, и такъ, напр., былины кіевской Руси становятся обще-русскими пѣснями.

Когда эпическое творчество изсякаетъ въ Юго-Западной Руси, подъ вліяніемъ тяжелыхъ историческихъ событий,¹⁾ то богатство былинъ сохраняется въ сѣверной и отчасти центральной Россіи. Распространяется только та пѣсня, которая ощущается, какъ нѣчто общее, пѣсня же, лишенная этого элемента общности, обыкновенно остается локализованной въ мѣсто своего зарожденія и не сообщается сосѣдямъ, а если и сообщается, то не усваивается и не сохраняется ими.

Сознаніе національного единства, свойственное русскому народу, выражается особенно ясно въ томъ, что историческое прошлое одного края русской земли воспринимается другой отдаленной окраиной, какъ нѣчто свое собственное, близкое, родное. Путь распространенія народной пѣсни (съ юга на сѣверо-востокъ), сказки и былины есть одновременно и путь распространенія сознанія единства.

¹⁾ Собственно говоря, въ Юго-Западной Руси эпическое творчество даже не изсяло, а просто прекратилось сохраненіе и распространеніе былинъ (явственные слѣды ихъ однако остались въ легендахъ о Михайликѣ, Даніилѣ Игнатьевичѣ и др.) ; подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ событий вместо былинъ на Югѣ явились думы о борьбѣ съ поляками, турками и татарами. Подобнымъ же образомъ и вся центральная полоса Россіи почти не сохранила былинъ, мѣсто которыхъ заняли сложившіеся подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ событий такъ называемыя историческія пѣсни (о татарщинѣ, Иванѣ Грозномъ, Смутномъ Времени и т. п.). И только лишь сѣверная полоса Россіи (губерніи Архангельская, Олонецкая, Вологодская и другія), не бывшая аrenoю историческихъ событий, сохранила преданія обще-русской старины въ видѣ былинъ.

Когда прожившій весь свой вѣкъ безвыѣздно въ своихъ лѣсахъ олонецкій крестьянинъ поетъ о «раздѣльицѣ — чистомъ полѣ», о прямоеѣзжей дорогѣ отъ Мурома до Кіева или же о Дунавѣ, — онъ, самъ того не сознавая, ясно и наглядно демонстрируетъ ту связь, которая скрѣпляла весь русскій народъ въ прошломъ и скрѣпляетъ его въ настоящемъ. Глубокая привязанность народа къ его прошлому является основаніемъ и фундаментомъ и будущаго совмѣстного сожительства. Сознаніе цѣнности прошлой совмѣстной работы на аренѣ исторической жизни пріучаетъ цѣнить принесенные жертвы предыдущихъ поколѣній и продолжать то дѣло, которое было такъ славно начато ими.

Благодаря знакомству съ преданіями прошлого, создается и укрѣпляется пониманіе цѣнности этого прошлого, вырабатывается національная традиція и сознается тѣсная органическая связь всѣхъ концовъ русской земли. Въ этомъ и состоитъ все огромное, неоцѣнимое воспитательное значеніе народного творчества. Мудрость, дѣянія, события изъ жизни предыдущихъ поколѣній передаются потомкамъ. Потомки же, воспитываясь въ атмосферѣ прошлого, научаются бережно цѣнить трудъ, завѣты и дѣло отцовъ. Другая роль народной поэзіи — это духовное посредничество между Юго-Западомъ и Сѣверо-Востокомъ Россіи, смягченіе антагонизма и возбужденіе чувствъ взаимнаго пониманія и взаимной любви.

Особенно важную роль играетъ въ дѣлѣ пробужденія національного самосознанія вѣками сложившійся характеръ русскаго благочестія и русской набожности. Здѣсь яснѣ и отчетливѣ всего отразились черты своеобразнаго народнаго быта, убѣждений и вѣрованій; въ русской религіозности полностью вылился духовный идеалъ нашей земли. Все неповторимое своеобразіе русскаго благочестія явствуетъ намъ въ строгихъ чертахъ внутренней глубокой мистики, пассивной по своему существу и предпочитающей такъ называемое «внутреннее дѣланіе» дѣланію внѣшнему. Насъ поражаетъ какое-то постоянное устремленіе во внутрь, тяготѣніе къ инобытию, глубокая преданность началу соборности, искони свойственное русской религіозности. Русскій аскетизмъ всегда исходитъ изъ мотива явить на землѣ царство Божіе. Будучи подлинно глубокимъ, онъ не отрицаєъ внѣшняго міра, а старается все обнять, все примирить и освятить самую жизнь. Символомъ его можетъ быть стоявшая въ кельи старца Амвросія Оптинскаго икона Богородицы «на нивахъ», освѣняющая благословеніемъ скатые снопы хлѣба. До нѣкоторой степени нашему благочестію чужды чисто утилитаристическая задачи: оно, пожалуй, не задается цѣлями спасенія всѣхъ обездоленныхъ, а носить скорѣе символической характеръ, считая, что нищіе и другие люди этого рода посланы намъ какъ бы для того, чтобы мы сами при посредствѣ ихъ спасали свою душу. Въ народномъ быту все начинается и освящается молитвой: такимъ образомъ истинная церковность проникаетъ собою всю жизнь, освѣщаетъ всѣ темные закоулки ея и поддерживаетъ человѣка во всѣхъ начинаніяхъ. Эти черты свойственны и православію и старообрядчеству и, пожалуй, даже уніатству; во всякомъ случаѣ послѣднее представляетъ собой до нѣкоторой степени «оправославленное» католичество, своеобразное примѣненіе и приоровленіе его къ чертамъ и особенностямъ русскаго національнаго духа.

Распространенный типъ странника по святымъ мѣстамъ, «калики перехожаго», юродиваго — вотъ специфические подлинно русские фигуры религіознаго быта. Святыни Москвы и Киева, Соловецкія обители, всѣ духовные центры русской земли были этапами, сквозь которые проходитъ не-престанный потокъ богомольцевъ, и каждый изъ паломниковъ уносилъ съ собой сознаніе религіозной общности, а разъ унеся, всю жизнь уже передавалъ его другимъ, шириль и распространялъ по всѣмъ окраинамъ великой страны. Въ русской Церкви вырабатывалось сознаніе національнаго единства, она играла воспитывающую роль, культивировала и сохраняла національное самосознаніе.

Начиная отъ эпохи татарского ига, когда церкви и монастыри собирали, утѣшали, поддерживали и объединяли обездоленный народъ, хранили его духовныя богатства и продолжали его духовную дѣятельность, — продолжая чрезъ эпоху Смутнаго времени, когда Церковь, какъ національная сила, много сдѣлала для дѣла возстановленія и объединенія русской земли, и доходя, наконецъ, до нашихъ дней, — Русская Церковь имѣла и имѣть всегда огромное значеніе въ дѣлѣ поддержанія національнаго единства. Много претерпѣвъ и вслѣдствіе религіозныхъ броженій (стригольники въ XIV вѣкѣ, жидовствующіе въ XV и XVI вѣкахъ), и вслѣдствіе общихъ политическихъ причинъ (татарщина, Смутное время, ослабленіе авторитета Церкви при Петре Великомъ, нынѣшнія преслѣдованія Церкви въ С.С.С.Р.), — Православная Церковь, сильная духомъ благодати и своею нравственною силою, не только сама превозмогала всѣ испытанія, но и поддерживала въ тяжелыя минуты вѣрующихъ. Надежда на помощь Божію и вѣра въ благость Промысла — вотъ, что Церковь всегда старалась укрѣпить въ душахъ людей: мудрено ли, что весь русскій народъ всегда видѣлъ въ своей Церкви оплотъ и защиту въ тяжелую годину страданій? И вполнѣ понятно, что Православіе является одной изъ важнѣйшихъ связей, скрѣпляющихъ русскій народъ.

V.

Всѣ приведенные «корни» сознанія единства русской русской культуры играютъ громадную роль для будущаго нашего народа. Живое ощущеніе прошлаго, своеобразіе религіознаго чувства, народный эпосъ, языкъ и литература, однимъ словомъ, все содержаніе понятія національной культуры, будучи разъ выработаннымъ совмѣстно, навѣку связываетъ племена, впитавшія съ молокомъ матери эту культуру. Создается постоянный комплексъ идей и представлений, постоянный, всѣмъ общій уровень народной психики,

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородъ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2015
воля къ непрерывному сожительству и на будущее время. Общность духа, национальное самосознаніе играютъ роль соединительного звена и народъ становится способнымъ восторжествовать надъ случайнымъ, привноснымъ и ложнымъ, онъ неуклонно идетъ впередъ по разъ избранному историческому пути. Нынѣшнія несчастья русского народа могутъ быть преодолѣны только культомъ и воспитаніемъ национального самосознанія: такимъ именно путемъ народы всегда достигали объединенія, такъ же вѣроятно будетъ и съ нами.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей историко-философскихъ основъ націи Н. Бубновъ,¹⁾ расчленяя понятія «народа» и «націи» говоритьъ, что «народъ есть общественное соединство, связанное общими живыми формами, напримѣръ, языкомъ и общимъ складомъ жизни; такое единство становится націей только въ томъ случаѣ, когда его члены воодушевлены, кроме того, общей волею, направленной на осуществление известныхъ цѣнностей».

Итакъ «народъ» можетъ стать «націей» лишь тогда, когда онъ проникнется единой идеей, осознаетъ цѣнность своей культуры. Тогда стихійный процессъ народнаго самоутвержденія перестаетъ быть только стихійнымъ, неоформленнымъ и неосознаннымъ, а становится цѣлесообразнымъ и разумнымъ. И подобное осознаніе культурное и духовное единство связано съ рядомъ виѣшнихъ, иногда очень существенныхъ и важныхъ послѣствій. Степень интенсивности национального самосознанія опредѣляеть будущность народа. Неизбѣжно увеличиваясь, чувство братскаго единства приходить наконецъ къ требованію политической организаціонной общности, какъ нѣкоторой степени процесса самоутвержденія и какъ единственной прочной гарантіи свободного развитія этого процесса. Культура націи — это какъ-бы что-то постоянно напоминающее о моральномъ долгѣ дальнѣйшаго развитія; она является импульсомъ стремленія достичь возможно болѣе полнаго (даже и съ чисто виѣшнихъ сторонъ) осуществленія и выраженія единства. Этотъ мотивъ всегда является основнымъ мотивомъ политической борьбы угнетенныхъ национальныхъ меньшинствъ, возстающихъ противъ чуждаго по духу и крови поработителя. Такъ объединялась Германская нація, такъ создалось Чехословацкое государство и этотъ же мотивъ былъ главнымъ мотивомъ русской исторіи. Но циклъ развитія судебъ нашего народа еще не законченъ, события послѣднихъ лѣтъ, быть можетъ, отодвинули насъ даже назадъ,

¹⁾ Цитирую не по подлиннику, а по статьѣ А. Салтыкова: «Тайна націи» въ газ. «Возрожденіе» отъ 12 октября 1927 г.

однако пробужденіе національного самосознанія можеть бути единственнымъ средствомъ вновь вернуться на старый путь исторического развитія и достигнуть культурно-политического объединенія русского народа въ рамкахъ этнографического его распространенія.

Однако можетъ возникнуть вопросъ: столь тѣсное сожительство не ведеть ли къ полному уничтоженію мѣстныхъ племенныхъ особенностей? Не уничтожатся ли окончательно подъ вліяніемъ нивелирующей русской культуры своеобразіе и особенности фольклора? И совмѣстимо ли съ работой по созданію общерусской культуры отстаиваніе мѣстныхъ духовныхъ цѣнностей, неимѣющихъ общенароднаго характера? Какая роль отведена имъ?

Эта роль если и не первенствующая, то все же очень важная и серьезная. Мѣстные элементы служать источниками критического познанія общаго культурнаго цѣлага. Какъ таковы, всѣ локальные особенности, нерастворившіяся въ общемъ потокѣ, достойны и уваженія и сохраненія, ибо они — каждая въ отдѣльности и всѣ въ совокупности — выступаютъ въ качествѣ ключей къ душѣ русского народа. Особенности эти — мостки между цѣлымъ и отдѣльнымъ индивидуумомъ. Познать глубину національного общерусскаго духа можно лишь на основѣ уваженія къ культурѣ своего собственнаго племени. Не надо бояться того, что вліяніе мѣстной культурности заслонить собой общее зданіе всерусскаго культурнаго богатства: русская культура способна освоить всѣ подлинныя духовныя цѣнности, и глубоко правъ былъ В. Д. Залозецкій, когда не боялся вводить въ свои сочиненія малорусскія слова и обороты, считая, что русская рѣчъ, подобно многоводной и могучей рѣкѣ, должна обогащаться новыми, мѣстными соками. Русская культура — жива; не завершенъ еще процессъ созиданія и накопленія; поэтому особенно важно всестороннее развитіе всѣхъ духовныхъ силъ, дабы можно было создать поистинѣ величественное и всеобъемлющее зданіе общерусскаго духовнаго богатства.

Другая роль мѣстныхъ особенностей — это чисто эстетическая роль живого орнамента, своеобразно и прихотливо смягчающаго суровое величіе и колоссальность всерусской культуры. Это расцвѣченныя яркія пятна, которыя роднятъ ее каждому изъ участниковъ. Въ нихъ полностью уясняется связь съ цѣлымъ, становясь понятной и очевидной. Въ этомъ значеніи своею всѣ мѣстныя особенности одухотворяются и приобрѣтаютъ разумность и цѣнность. Точно также, какъ общая культура понимается легче всего черезъ нихъ, такъ и лицо, сопричастное общерусскому духовному богатству, всегда легче пойметъ и любовно оцѣнить эти своеобразно-

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015
сти, познавъ часть черезъ цѣлое. На фонѣ всенародной культуры, только на этомъ фонѣ они черпаютъ свое объясненіе и становятся цѣлесообразными; только познавъ свою причастность этой культурѣ, можно дѣйствительно горячо полюбить свое мѣстное родное. И обратно: только сплотивъ все лучшее, что вырабатываетъ каждая область, каждая отдельная часть земли Русской, можно возстановить силу и моць единаго русскаго народа, ибо вѣрна старая истина, что только въ единеніи сила.

